

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	10
Введение. Наука и политика в эпоху постистины: скрытая рука Парето	11
ГЛАВА 1. БРЕКЗИТ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СТОЛКНОВЕНИИ С ВОЛЕЙ НАРОДА	25
Введение	25
Антиэкспертный поворот в политике и науке	26
Как в случае брексита антиэксперты побили экспертов в их собственной игре	33
Как антиэксперты в игре брексита в конечном счете забили гол в свои ворота	42
ГЛАВА 2. ЧТО О СИТУАЦИИ ПОСТИСТИНЫ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ ФИЛОСОФИЯ	52
История истины с точки зрения постистины	52
Рождение риторики как ключевого элемента концептуального комплекса постистины	58
Модальная власть индустрии развлечений	75
Как истина видится постистине: веритизм как «фейк-философия»	82
Консенсус: сфабрикованное согласие как регулятивный идеал науки?	93
ГЛАВА 3. СОЦИОЛОГИЯ, А ТАКЖЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК НАУКИ ЭПОХИ ПОСТИСТИНЫ	102
Социология и социальное конструирование идентичности	102
Исследования науки и технологий и научное трюкачество.	112

ГЛАВА 4. ПОСТИСТИНА АКАДЕМИИ:	
НЕРАСКРЫТЫЕ ПУБЛИЧНЫЕ ЗНАНИЯ	132
Введение: эпистемические недостатки академии и претензии на безусловные права132
Проблема академического поиска ренты и междисциплинарная контрмера142
Культ успеха и военно-промышленная воля к знанию154
Корпорация как центр военно-промышленной воли к знанию166
Заключение: поучительная история Фрица Габера и более общие выводы для междисциплинарности173
Приложение: пролегомены к глубинной истории избыточности информации179
ГЛАВА 5. КАСТОМИЗАЦИЯ НАУКИ:	
ПРОЕКТ ДЛЯ СИТУАЦИИ ПОСТИСТИНЫ	200
Протнаука: наука личная и прямая	200
Публичный интеллектual как прото-протученый	206
Заказчик науки, которому не нужно быть ее потребителем.213
Роль кастомизированной науки в будущем демократии и университета	220
Интерлюдия: Википедия — демократическое лекарство, которое хуже элитистской болезни?	234
Исторические прецеденты и будущие перспективы адекватного научного ответа на кастомизированную науку.	243
ГЛАВА 6. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ И НАУКИ НА ИГРОВОМ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ	
Веберовская диалектика: место встречи политической философии и философии науки251
Модальная власть и тонкое искусство реализации возможного	258

«Как если бы»: политика и наука о различии между фактом и вымыслом	264
Квантовая природа модальной власти	269
Прологомены к квантовой историографии модальной власти	274
ГЛАВА 7. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: БУДУЩЕЕ	
КАК ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА ПОСТИСТИНЫ	278
Введение: алхимическое искусство извлечения истины из заблуждения.	278
Предсказание: значимость прошлого для будущего.	283
Помогает ли наука прогнозированию или же вредит ему? Судьба публичных интеллектуалов как экспертов.	290
Учиться «мыслить невысказанное»: испытательный полигон для постистины	300
Суперпрогнозирование: тонкое искусство вечной подготовки к Судному дню	309
Заключение: от суперпрогнозирования к форсированному правлению	322
Резюме	334
Аннотированный указатель	337
Литература	356

Эта книга посвящается памяти
основателя «научной истории»,
древнегреческого историка Фукидида,
который сегодня считался бы
поставщиком «фейковых новостей»

БЛАГОДАРНОСТИ

В числе тех людей (помимо издателя), которые безропотно ждали, пока я испытывал их терпение, когда писал различные тексты, отрабатывая аргументацию, представленную на страницах этой книги, позвольте выразить особую благодарность Джеймсу Чейзу, Джиму Коллье, Алистеру Даффу, Джоанне Данкан, Бобу Фродману, Инанне Хамати-Агайе, Джерри Хаузеру, Илье Касавину, Шерон Райдер, Микаэлю Стенмарку и Джеку Стилго. Также я хотел бы поблагодарить Британскую социологическую ассоциацию, Европейскую ассоциацию исследований науки и технологий, газету *Guardian* и Лондонский институт искусства и идей, которые опубликовали на своих веб-сайтах первые версии текстов, вошедших в эту книгу. Наконец, я хотел бы выразить благодарность за поддержку Российскому научному фонду (проект № 14-18-02227 «Социальная философия науки»), с которым я связан в качестве исследователя Института философии РАН.

Введение

Наука и политика в эпоху постистины: скрытая рука Парето

ОКСФОРДСКИЙ словарь английского языка действительно объявил постправду, или постистину¹, словом 2016 г., однако само это понятие всегда было у нас и в политике, и в науке, поскольку оно им намного ближе, чем полагают те, кто недоволен его существованием. Для того чтобы раскрыть его политические корни, длинная память не нужна. Вспомним придуманное в 2004 г. выражение «сообщество, основанное на реальности», ставшее ироническим контрапунктом к внешнеполитическому подходу, которого придерживался Джордж Буш-младший, особенно после начала войны в Ираке. Тем не менее интересно посмотреть точное словарное определение постистины, включающее также примеры узуса:

Характеризует или обозначает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере:

¹ Термин «*post-truth*» чаще на русский переводится как «постправда», однако здесь используется вариант «постистина», более соответствующий подходу автора, ориентированному, в частности, на эпистемологию и социологию науки. — *Примеч. пер.*

«в эту эпоху постистины легко отыскать любые данные, какие только захочется, и прийти к любому выводу, к какому только пожелаете»;

«некоторые комментаторы отмечали, что мы живем в эпоху постистины».

Такое определение имеет очевидно негативный оттенок. Собственно, это не что иное, как постистинное определение постистины. Именно в таком свете хотят представить своих противников те, кто занимает господствующие позиции в актуальной игре знания и власти. В данном контексте слово «эмоция» само является составляющей жаргона постистины, лишь затемняящей истинную функцию этого слова, которая состоит в том, чтобы получить сравнительное преимущество на некотором более или менее четко определенном игровом поле.

Люди, более всего чувствительные к тому факту, что мы живем в мире «постистины», склонны полагать, что реальность фундаментально отличается от того, что о ней думает большинство. Это относится к обеим сторонам современного водораздела «постистины», то есть к элитарным экспертам и популистским демагогам. Обе эти позиции определяются платоновским мировоззрением, которое Никколо Макиавелли успешно демократизировал в период Ренессанса. Затем оно было модернизировано для капиталистического мира политэкономистом Вильфредо Парето (1848–1923), одним из забытых отцов-основателей социологии, в работах которого черпал вдохновение Бенито Муссолини. В годы моей молодости Парето все еще называли «Марксом правящего класса», что объяснялось уважительным отношением к нему со стороны таких либералов времен холодной войны, как Толкотт Парсонс и Раймон Арон [Parsons, 1937, ch. 5–7; Aron, 1967, ch. 2; Арон, 1992, с. 403–487]. Если и есть человек, заслуживающий звания небесного покровителя постистины, то это Парето.

С его точки зрения, социальный порядок является результатом взаимодействия элит двух типов, которых он называл, следуя в этом за Макиавелли, *львами* и *лисами*. Оба вида торгуют постистиной. Львы рассматривают общепринятое в статус-кво понимание прошлого в качестве надежного основания будущего, тогда как лисы считают, что статус-кво поддерживает порочное понимание прошлого, которое мешает достижению лучшего будущего. История, таким образом, заключается в непрерывном обороте двух этих темпоральных ориентаций: «индуктивной» и «контриндуктивной», как сказали бы эпистемологи.

Приведенное Оксфордским словарем английского языка определение постистины выражает истину льва, который пытается задать максимальную моральную и эпистемическую дистанцию от любой эрзац-истины, которой может приторговывать лиса. Именно она, но не лев изображается в качестве того, кто искажает факты и обращается к эмоциям. Однако истина льва лисе представляется слишком уж прямолинейной и тяжеловесной, немногим более чем заявкой на неотчуждаемое право, часто предъявляемой в приступе праведного гнева. Таким образом, стратегия лисы — минимизировать моральную и эпистемическую дистанцию между своей собственной позицией и позицией оппонента-льва, обычно за счет изобличения неисполненных обещаний и статусного лицемерия последнего.

Политика постистины была в полной мере явлена в американской президентской кампании 2016 г., когда Хиллари Клинтон, занимающая позицию льва и являвшаяся, возможно, самым квалифицированным кандидатом на пост президента США за всю историю страны, назвала сторонников Дональда Трампа «кучкой жалких людей» за то, что они пытались подорвать господствующую «прогрессивную» повестку неолиберального государства всеобщего благосостояния, сформировавшуюся в период по-

сле холодной войны. В ответ лис-Трамп, говоря от лица американцев, которых эта повестка все больше игнорирует, назвал людей, отстаивающих ее, «порочными» и «продажными».

Однако Трамп имел в виду и нечто более глубокое, связанное с самой основой ситуации постистины. Этот момент промелькнул в одном лозунге его кампании: «осушить болото». Весь вашингтонский истеблишмент — не только демократы-сторонники Клинтон, но и противники Трампа в Республиканской партии, которая номинировала его в качестве кандидата на пост президента, — был обвинен в том, что он проводит договорные матчи, а потому, кого бы ни выбрать, законы, которые будут приняты, все равно окажутся на руку политическому классу независимо от их влияния на жизнь простого народа. В более львиные времена это называлось двухпартийной системой, и именно так велись государственные дела. В самом деле, социологи-апологеты такого режима превозносили его на протяжении по меньшей мере двух поколений в качестве «конца идеологии» [Bell, 1960]. Предполагалось, что это игра, которая побьет все остальные игры. Но Трамп успешно доказал, что всего лишь еще одна игра. И это, по сути, и есть зачаток ситуации постистины.

Если использовать философский жаргон, ситуация постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию. Вы пытаетесь выиграть, не просто играя по правилам, но и определяя само содержание правил. Лев стремится выиграть, сохранив правила в их нынешнем виде, а лиса стремится их изменить. В игре истины точка зрения льва без лишних раздумий принимается за нечто самоочевидное: противники конкурируют друг с другом в соответствии с заранее согласованными правилами, причем это первоначальное согласие определяет природу их противостояния и состояние игры в любой конкретный момент времени. В этом случае лисы могут оставаться обо-

зленными проигравшими. В игре постистины цель в том, чтобы разгромить противника, хорошо при этом понимая, что правила игры могут поменяться. В этом случае сама природа противостояния может измениться так, что преимущество внезапно перейдет к вашему противнику. И лисы всегда играют на такую внезапную перемену.

Когда Макиавелли говорил, что успешные правители всегда используют силу экономно, он имел в виду желание сохранить игру истины. Львы не должны рычать, поскольку они могут проиграть, если им понадобится действительно подкрепить свой рык действиями, что было доказано множеством исторических примеров. Игра истины лучше всего работает, когда самозванные хранители истины ограничиваются угрозой, но не реальной демонстрацией силы. Таким образом, стратегия льва сводится к подавлению контрфактического воображения, то есть мысли о том, что все могло бы быть иначе. Именно в этом заключается применение того, что далее я буду называть *модальной властью*. Платон опробовал нечто похожее, когда предложил ввести цензуру, чтобы художники заранее знали, что их произведения попадут под запрет, если они нарушат границы политкорректности, определяемые царем-философом. (Платона наверняка порадовали бы «правила общения», принятые в современных университетах.) Ощущавшаяся Макиавелли необходимость более прямого обсуждения этих вопросов говорит о том, что это был момент истории демократизации, а также, как я считаю, развития человеческого самосознания в более широком смысле.

Трамп поднимает ставки еще выше, когда говорит о «фейковых новостях», чем ставит под вопрос традиционные либеральные инструменты воспроизводства различия истины и лжи в американских СМИ, таких как *New York Times* или *CNN*. В этом ему существенно помогли недавно возникшие социальные сети, в которых новостные ленты ресурсов вроде *Breitbart*, основанного выступающими

против истеблишмента «альтернативными правыми», сумели, в частности на страницах *Facebook*, составить конкуренцию «мейнстримным» СМИ, а в некоторых случаях и вытеснить их. (Бывший глава *Breitbart* Стив Бэннон работал главным стратегом Трампа во время кампании 2016 г. и в первый год его президентства.) В результате люди получают либо конфликтующие новостные сообщения, между которыми они сами должны сделать выбор, либо же попросту такие сообщения, которые соответствуют предпочтениям, заявленным ими в роли пользователей социальных сетей. И в том и в другом случае они становятся более уверенными в том, что способны самостоятельно разобраться в вопросах истины.

Хорошим показателем того, что люди заняли «метапозицию» в ответ на это размножение новостных ресурсов, является уровень паранойи, выплескиваемой в социальных сетях после объявления, что источником такой-то новости были, скажем, *Breitbart* или *CNN* в зависимости от того, у кого какая идеология. В конце концов, хотя зрители *CNN* терпеть не могут, когда их любимый канал обзывают «фейковым», именно такой эпитет они сами применяют к *Breitbart* и его телевизионному аналогу *Fox News*. Таким образом, игровое поле было выровнено. Все теперь играют в игру Трампа. А ее название — «зуб за зуб», и именно она составляет сегодня беспрецедентно большую долю новостей: в ответ на любую проверку на *CNN* достоверности твитов Трампа, продвигаемых на *Fox News* и приукрашиваемых там штатными комментаторами, *Fox News* привлекает внимание к тем благим делам, которыми занят Трамп и которые игнорирует *CNN*, поскольку эта компания больше занята поиском оснований для его импичмента.

Хотя мы живем в мире круглосуточных новостей, то, что я только что описал, не является вполне справедливой борьбой. В обществе, которое становится все более демократическим, запас активного внимания остается таким

же ограниченным, как и ранее, однако теперь люди считают, что, если к ним на деле относятся как к простакам, это немногим лучше того, чем если бы их открыто считали идиотами. Все это играет на трамповскую сторону «метааргумента», который в конечном счете гласит, что нужно довериться способности людей самостоятельно принимать решения в вопросах истины, позволив им жить с последствиями своих решений даже тогда, когда их суждения оказались ошибочными, по крайней мере, с точки зрения их собственного благосостояния или выгод.

Обратимся теперь к науке, ситуация в которой не так уж отличается. Львы Парето получают от традиции легитимность, которая в науке основывается на экспертизе, а не на родословной или обычае. Однако, как и прежние формы легитимности, экспертиза черпает свой авторитет в кумулятивном весе межпоколенческого опыта. Именно это и имел в виду Томас Кун [Kuhn, 1970; Кун, 1977] под научной «парадигмой», набором конвенций, которые упорядочивают знание в форме определенного мировоззрения, учрежденного тем или иным основоположником, например, сэром Исааком Ньютоном или Чарлзом Дарвином. Каждая новая порция знаний освящается в таком случае «коллегиальным рецензированием».

Куновская концепция науки является «постистинной» потому, что «истина» более не арбитр легитимной власти, скорее, она маска легитимности, которую носит всякий, кто стремится к власти. Вышло так, что взгляды Куна сформировались в Гарварде в конце 1930-х годов, когда тамошний корифей Лоуренс Хендерсон не только прочел первые курсы по истории науки, но и созвал междисциплинарный «Кружок Парето», чтобы познакомить восходящих звезд университета со взглядами автора, которого он считал единственным стоящим конкурентом Карла Маркса [Varber, 1970; Fuller, 2000b, ch. 4]. Тот факт, что президент Гарварда Джеймс Брайант Конант, проте-

же Хендерсона и учитель Куна, войну с нацистами поддержал чуть ли не последним, но был в числе первых, предложивших применить атомную бомбу для окончания войны с Японией, указывает на то, что Парето он освоил неплохо. Конант присоединился к остальным только тогда, когда это было абсолютно необходимо (ход льва), но хватался за удачную возможность, если остальные еще сомневались (ход лисы) [Hershberg, 1993, ch. 6].

Наиболее интересная черта нарратива Куна о прогрессе науки — и не будем забывать, что он пользовался наибольшим влиянием на протяжении последних 50 лет — это то, что он называет «оруэлловским» понимание истории науки, которое должны разделять как профессиональные ученые, так и широкая публика [Kuhn, 1970, p. 167; Кун, 1977, с. 219]. Кун ссылается на роман «1984», в котором работа главного героя заключается в переписывании газет, выходивших в прошлом, чтобы казалось, что сегодняшний курс государства совпадает с тем, каким он был всегда. В такой версии истории, которая непрерывно подправляется, публика никогда не замечает никаких резких поворотов, не обнаруживает перебежчиков или ошибочных суждений, из-за наличия которых у нее могли бы возникнуть вопросы к прогрессивному нарративу государства. Вера в статус-кво сохраняется, а рекрутам внушается желание следовать его курсу. Кун утверждал, что идеи, применимые к тоталитарному «1984», распространяются также и на науку, объединяемую закланием парадигмы.

Но в том же цеху разворачивается деятельность и другой группы элит, а именно лис, к которой профессиональные историки науки, обычно не имеющие кровной заинтересованности в том, чтобы наука держалась своей официальной линии, обращаются для того, чтобы выяснить, что реально происходит за кулисами драмы, которую пытаются поставить львы. В современной политике науки лисы известны под разными именами — начиная с «вольнодум-

цев» и заканчивая «социальными конструктивистами» и «псевдоучеными». Для них характерны несогласие и неумность, которым находится место в мире открытости и благоприятных возможностей.

Львы научного истеблишмента поначалу отвечают лисам-диссидентам в своей среде тем, что попросту отказывают им в эпистемическом статусе, а может, и в существовании, но не занимаются их открытой критикой, которая бы велась на общем основании. Так, креационисты, климатические скептики и различные последователи нью-эйджа, какие бы сложные теории они ни развивали, не просто ошибаются, они еще и «порочны» в том смысле, который допускает разбухание эпистемической ошибки до нравственного греха. Соответственно, всякий раз, когда диссиденты заявляют, что они дают иную оценку имеющимся фактам, львы объявляют их лжецами, поскольку лисы не придерживаются ортодоксальных взглядов.

Однако такая пренебрежительная стратегия не лишена рисков, особенно когда ортодоксия сама не может достоверно установить истину, которую она издавна обещала хранить, и особенно когда подобная неуверенность сопровождается запросами на государственное финансирование, необходимое для дальнейших исследований. Добавьте к этому всевозможные трюки с подтасовыванием, замечанием следов, запутыванием и другими действиями *ad hoc*, которыми обычно приходится заниматься ортодоксии с целью показать, что она все ближе к истине. Это вместо того, чтобы выбрать более простую стратегию, которая бы состояла в решительной смене курса. Бесстрастный наблюдатель вполне может прийти к выводу, что громкий рык льва выдает лишь его неспособность разгромить претендентов, готовых заявить, что он блефует.

Лисы, со своей стороны, определяют настоящее как экстатический момент, в который решается всё, то есть как то, что древнегреческие софисты называли кайросом. Он

подразумевает решительный разрыв с «прошлым», которое, как им известно, все равно дано в виде вымысла, как в романе «1984». Тогда как самозванные провидцы подают себя, подобно Галилео Галилею, в качестве тех, кто первым смог увидеть нечто такое, что было у всех на виду. Экспертные знания в таком случае представляются хранилищем подпорченных суждений, нужных лишь для того, чтобы подавлять многообещающие альтернативы тем позициям, которые уже обанкротились. С точки зрения Куна, научные лисы одерживают верх всякий раз, когда в гладком нарративе львов появляются трещины, устойчивые «аномалии», которые правящая парадигма объяснить не в состоянии.

Однако у лис есть собственная ахиллесова пята: они сильны, когда находятся в оппозиции, но сварливы, когда во власти. Самый главный оппонент Куна Карл Поппер [Popper, 1981] пытался представить эту черту в выгодном свете, вторя Льву Троцкому и называя ее «перманентной революцией» в науке. Но если игровое поле науки открыто для всех, кто желает присоединиться к этой игре, правила самой игры могут измениться до неузнаваемости. Немногие ученые отрицают сегодня необходимость расширения «научного гражданства», но точно также немногие хотели бы, чтобы оно привело к «пролетарской науке», в которой научная повестка диктуется всенародно избранными комитетами [Lescourt, 1976]. В этом отношении ученые не желают нарушать границы вроде той, перед которой стоят политики и которая отделяет парламентскую демократию от демократии всеобщего участия или же служение истинным интересам народа от служения тому, что народ сам считает своими интересами. Как мы увидим в главе 1, именно эта граница была нарушена на британском референдуме 2016 г., когда решался вопрос о выходе из Европейского союза (ЕС), или о так называемом брекзите.

На момент написания этой книги вышло более двадцати книг с термином «постистина» в названии, и все они сосредоточены на той роли, которую постистина в ее ругательном смысле, определенном Оксфордским словарем английского языка, сыграла в победах брекзита и Трампа, ставших зеркальными отражениями друг друга. Их неизменной темой являются «фейковые новости», причем толкуются они обычно в соответствии со словарным определением, то есть с явной неприязнью к победителям. Эта книга не ставит задачу стать для них конкурентом. Напротив, как уже ясно по этому введению, я считаю постистину важной чертой интеллектуальной жизни, по крайней мере на Западе. Она объединяет те вопросы политики, науки и суждения, которые традиционные авторитеты обычно считали необходимым не смешивать. Даже если Трамп вынужден будет подать в отставку или же не сможет переизбраться на пост президента, даже если брекзит в самый последний момент будет аннулирован (все это на момент написания книги остается вполне возможным), ситуация постистины никуда не денется. Имея это в виду, я хотел бы теперь изложить краткое содержание данной книги.

В главе 1 выбирается достаточно широкий эпистемологический подход к изучению брекзита, в ходе которого парламентские лисы Великобритании получили больше, чем просили, склонив общество к самостоятельному осмыслению оснований продления членства в ЕС. У британских избирателей, несмотря на неопределенность будущего, куда страна катится благодаря брекзиту и в котором пытаются лихорадочно разобраться как лисы, так и львы, вкус к прямой демократии при этом несколько не отбился.

В главе 2 показывается, что философия, то есть дисциплина, которая любит представлять себя в качестве более других озабоченной «Истиной», на протяжении всей

своей истории отдавала предпочтение позиции постистицизма начиная с диалогов Платона, где льву-Сократу всегда удается перехитрить своих противников — лис-софистов. Кроме того, даже в современной «аналитической» школе, которая в англоязычном мире давно стала официальным лицом академической философии, никогда не было согласия ни относительно природы, ни относительно критериев истины, хотя, разумеется, некоторые определения истины отдают предпочтение, скорее, одним модусам мысли и формам знания, чем другим. В этом отношении философия всегда оставалась и остается постистинной.

В главе 3 речь сначала пойдет о социологии, которую можно считать образцом постистинной науки с учетом ее интереса к тому, как людям удастся переопределять самих себя в меняющихся условиях. Наиболее известным примером этих изменений является переход от досовременности к миру Нового времени и, возможно, к миру постмодерна. К сожалению, исследования науки и технологий, составляющие передний край социологии знания, в последние годы отrekliсь от своей первоначальной подписи под ситуацией постистицизма, хотя и сохранили за собой наилучшую позицию для прояснения сходства с игрой как неотъемлемого качества науки.

В главе 4 ставится диагноз неспособности науки полностью использовать даже собственную базу знания. Эта неспособность объясняется той властью, которой дисциплины, или «парадигмы» (в смысле Куна), обладают над исследователями. Такие социальные формации успешно ограничивают академическую энергию общепринятыми направлениями исследования. К счастью, не все люди, получившие академическое образование, и не все заинтересованные стороны приписаны к академии. Точнее, можно говорить о существовании, как я это называю, «военно-промышленной воли к знанию», которая нацелена на то, что в библиотековедении получило название «нерас-

крытое публичное знание». Глава заканчивается размышлением об «избыточности информации» как о более общем культурном контексте, в котором возникает проблема нераскрытого публичного знания.

В главе 5 рассматривается постистинностный феномен «кастомизированной науки», состоящий в нестандартных интерпретациях или применениях научного знания, которые в той или иной мере противоречат авторитету экспертов-ученых. Это естественное ответвление того мира, в котором наука все больше считается чем-то важным для жизни людей, тогда как источники информации о науке более не ограничиваются научной лабораторией и университетской аудиторией. Результатом становится то, что я назвал «протнаукой», поскольку теперь люди понимают науку по-своему, примерно в том же смысле, в каком в период протестантской Реформации они стали понимать по-своему Библию.

Глава 6 начинается со знаменитых лекций Макса Вебера о политике и науке как о призвании, причем доказывается, что предметом политики и науки является одна и та же тема, хотя политика носит маску ситуации постистины, а наука — ситуации истины. Грубо говоря, ученые стремятся определить правила игры, которые политики хотели бы изменить себе на пользу. Это как нельзя более яркий пример борьбы за «модальную власть», то есть контроля над тем, что возможно. Написание и переписывание истории — это, пожалуй, и есть то поле, на котором данная борьба разворачивается в наиболее наглядном виде.

В главе 7 книга завершается обсуждением эпистемологии будущего, то есть прогнозирования, выступающего наиболее передовым игровым полем воображения постистины. Вопрос не столько в том, как правильно предсказывать будущее, сколько в том, как выжать максимум из любого поворота событий. С учетом сказанно-

го история показала, что игроки, начинавшие в качестве проигрывающих, могут в итоге закончить победителями просто потому, что они лучше пользуются актуальной ситуацией, даже если она возникла из серьезной неудачи. В этой главе дается обзор нескольких возможных установок по отношению к будущему, наиболее известной из которых являются «адаптивные предпочтения» и их политический коррелят — «форсированное правление», рекомендуемое не избегать катастрофы, а планировать исходя из того, что она случится, поскольку планы могут увенчаться успехом даже в том случае, если Судного дня удалось избежать. Именно благодаря такому подходу появился Интернет, изобретенный во время холодной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru